

РУСЛАН ЛЫНЕВ

РАССКАЖИ, РАССКАЖИ, ПРОФЕССОР

Возможно ли русское экономическое чудо

В самый разгар финансового кризиса, активная фаза которого, как нас уверяют, уже миновала, в Москве вышла книга ректора Российской экономической школы профессора С. Гуриева “Мифы экономики”.

Новое “вечно живое”

Какие же мифы развенчивает автор?

О первом и самом главном читаем уже в предисловии к книге: “В конце 1980-х годов большие надежды россиян были связаны с западной экономической наукой. Тогда казалось, что стоит только заменить марксистскую политэкономию на “экономикс” (популярное изложение американских экономических теорий. — Р. Л.) как в стране сразу наступит всеобщее благоденствие. Однако завышенные ожидания обернулись жестоким разочарованием, и после неудач 1990-х большая часть населения убедилась, что западная экономическая наука просто неприменима к России”.

Откуда же в головах россиян взялись “завышенные ожидания”? Их что, Кашпировский с Чумаком внушили? Нет, лауреат Нобелевской премии Дж. Тобин конкретнее, да и честнее пишет, что появлению этих ожиданий — мифов! — способствовали западные советники, наставлявшие реформаторов в странах Восточной Европы и России: “Демонтируйте инструменты коммунистического контроля и регулирования, приватизируйте предприятия, стабилизируйте методами монетаризма финансы, уберите с дороги государство и наблюдайте, как рыночная экономика сама вырастет из пепла”. Но оказалось, что “не все так просто”.

В “неправильной” реакции российской экономики на советы западных наставников признался один из них — Дж. Сакс, не сумевший вполне освоиться с выпавшей ему ролью “экономического убийцы” нашего народного хозяйства. Хватает и других подобных признаний.

Но если и ряд западных специалистов, и “большая часть” россиян, как признает С. Гуриев, убедилась в ложности выбора, навязанного стране, то российская экономическая мысль — где она? Входит ли сам С. Гуриев и руководимая им академия в прозревшее большинство населения? Предлагает ли нам что-то новое взамен провалившегося “экономикса”?

Увы! Весь пафос книги г-на Гуриева сводится к попыткам отстоять свободу рынка от вмешательства государства, к стремлению доказать, будто ни с чем не сравнимый по своим масштабам рейдерский захват общественной собственности путем приватизации — высшее благо для экономики, будто российский олигархат — неизбежный, но не худший спутник рыночной свободы, будто слабый рубль предпочтительней сильного. Ну и так далее по списку, совпадающему с теми требованиями МВФ, которым в свое время неукоснительно следовало правительство реформаторов Е. Гайдара и за выполнение которых перед МВФ же отчитывалось. Получалось так: государство вон из экономики, а вместо него ею должна управлять некая структура извне. Наднациональная. Чуть ли не надмирная. Любые сомнения в эффективности рецептов, навязываемых ею России, профессор клеймит в своей книге как мифы. И делает это, ссылаясь на авторитет высокой науки, эталоном которой считает все ту же западную, а особо — американскую.

Хотя сама она не едина и представлена разными людьми и направлениями. Наиболее внятно то, которое Дж. Сорос в своей нашумевшей книге “Кризис мирового капитализма” назвал рыночным фундаментализмом. Иные критики не избегают даже выражения “рыночный кретинизм”.

Кроме заезженных постулатов об отстранении государства от управления экономикой, о чуде эффективности приватизации и т. д. для этой науки характерна установка, что главная цель экономики — прибыль, и получала ее не на производстве, а в процессе обмена, торговли, где, собственно, формируется цена. То есть за воротами предприятия. Из чего следует, что заводы с их инженерами, рабочими и т. д. — низшая ступень экономики по сравнению с посреднической, биржевой, кредитной. Ну а ее высшие сферы — на финансовых рынках, где путь к прибыли при всей его рискованности — наикратчайший. С этих самых высей на мир и обрушился финансовый кризис, от последствий которого мир отошел еще не вполне.

Не случайно наука, обслуживающая и обосновывающая отрыв “высших” сфер экономики от “низших”, подвергнута критике рядом ученых, авторитетных и известных на Западе. Так, в сборнике под названием “Почему “экономикс” еще не является наукой?”, вышедшем в Нью-Йорке еще в 1983 году, В. Леонтьев, П. Уайлз, А. Айхнер, Р. Эрл и другие экономисты критикуют “экономикс” за чрезмерную абстрактность, отсутствие связи с реальностью, а также политизированность и идеологизированность. Экономист М. Блауг вполне откровенен: “. . . Мы превратили экономику в своеобразную разновидность социальной математики, где используются понятия “цена”, “рынок”, “товар”, но “все выводы получены математически, и нет ни единой мысли о том, имеют ли эти математические переменные, концепции, функциональные связи какое-либо отношение к реальному миру”.

Лауреат Нобелевской премии в области экономики 1991 года Р. Роуз считает, что “мэйнстрим” современной либеральной экономики характеризует “растущая абстрактность анализа, которая, похоже, не требует знания реальной экономической системы”. Другой Нобелевский лауреат профессор Колумбийского университета Дж. Стиглиц доказывает, что “рынки при наличии ассиметричной (а по-русски говоря, искаженной, даже ложной. — Р. Л.) информации и других информационных несовершенств являются далеко неэффективными”. Известный экономист Л. Мозес убежден: “То, что сегодня преподается в большинстве университетов под маркой экономической теории, на деле является ее отрицанием”.

Роль либеральных диаспор

Понимание этого с неизбежностью приходит и в Россию, где “. . . даже либерально мыслящие экономисты заговорили о формировании новой идеологической схоластики, . . . ничуть не более близкой к реальной жизни, чем старая советская политэкономика” (“Вопросы экономики”? № 1, 2001).

Тем не менее, С. Гуриев озабочен тем, как усилить и расширить влияние на нашу, российскую жизнь именно описанной выше “науки”. Для этого, учит он, в России следует создавать и растить “диаспоры” интеллектуалов, сочетающих знание науки и “местных условий”. Уже в самой этой лексике, признаем, звучит нечто колонизаторское.

Ну, а зачатки “диаспор” рождались в недрах еще советских НИИ экономического направления. Их, как давно и широко известно, пасли ЦК партии и КГБ. Когда подошла перестройка, с ведома тех же ЦК и КГБ ряд членов “диаспор” были направлены на выучку в зарубежные центры, в том числе весьма хитрого профиля. В их числе были будущие министры экономического блока правительства во главе с Б. Ельциным – Е. Гайдар, А. Чубайс, П. Авен. Кстати, уже в те молодые годы А. Чубайс откровенничал в прессе, что коль скоро реформы в России с неизбежностью вызовут недовольство масс, власти придется прибегнуть к жестким, даже силовым мерам их подавления. Иначе говоря, работа “невидимой руки” рынка будет тем успешнее, чем активнее ей будет помогать видимая рука государства с весьма наглядной полицейской дубинкой. Кто бы сомневался, что А. Чубайс в состоянии управлять и этой стороной преобразований.

Что же касается отношения к ним большинства “подреформенного” населения, то уже на старте реформ популярный телеведущий, помнится, явно довольный сравнением, упирал на то, что больной, находящийся под наркозом, не должен дергаться и мешать хирургу своими жалобами, просьбами, советами.

Так и реформировали.

Двадцать лет спустя

Результаты? Цитированный выше Дж. Стиглиц оценивает их яснее ясно: “Россия представляет собой интереснейший объект для изучения опустошительного ущерба, нанесенного стране путем проведения приватизации”. На дореформенный уровень валового внутреннего продукта – ВВП страна вышла лишь на восемнадцатом году рыночных преобразований. Да и что такое ВВП? В общем, вроде бы то, что раньше называлось валовым национальным продуктом – ВНП, только теперь это предстает в денежном измерении. Мы можем работать, как работали, но чем дороже нефть на мировом рынке, тем больше ВВП. Растут в цене продукты, квартплата, крутится НДС, отмываются деньги, добытые в наркобизнесе, – ВВП от этого больше. Это чисто рыночный феномен, возникающий не столько в сфере производства, где производятся реальные ценности (потребительская стоимость), сколько в сферах, живущих накруткой цен. Таким порядком ВВП может расти, а страна не только не развиваться, а даже деградировать.

Если же взять не денежные, а вещественные показатели, то в 2010-м, не самом худшем пореформенном году, промышленное производство в стране достигло, по данным ООН, лишь 74,6 процента к уровню 1991 года. Общий объем продукции сельского хозяйства достиг лишь 80,9 процента того, прежнего уровня, а продукция животноводства 60,1 процента.

Производство стали за этот период упало в 1,53 раза, чугуна в 1,34, проката черных металлов в 1,25, угля в 1,32 раза.

За это же время производство тракторов снизилось более чем в 20 раз, комбайнов – в 10, экскаваторов – в 16,5 раза, грузовых автомобилей – в 6, металлорежущих станков – в 41,3 раза.

Либерально мыслящий человек скажет: так ведь это рынок убрал из экономики все лишнее, произведенное под прежним государственным управлением. Но если рынок и впрямь настолько “умнее” государства, почему он не перенаправил освобожденные ресурсы – в том числе людские! – на создание других, нужных обществу богатств?

Или взять стройиндустрию, где производство цемента снизилось в 2,5 раза, кирпича – в 2 раза, пиломатериалов в 5 раз, башенных кранов в 14 раз. Не подскажут ли нам ученые борцы с антирыночной мифологией, как на такой основе расширять жилищное строительство?

За двадцать лет разрыв в производительности труда по сравнению с США и другими развитыми странами не только не сократился, а возрос. Даже в такой “локомотивной” отрасли, как нефтедобыча, производительность труда снизилась за эти годы вдвое. Причем снизилась не на буровых, а главным образом за счет чудовищного разбухания паразитического слоя “менеджеров”, заполнивших офисы, где никаких реальных ценностей не создается.

Чудеса происходят и в торговле: при снижении товарооборота численность продавцов выросла так, что это сегодня одна из самых массовых профессий в стране, а численность торгующего люда на квадратный метр торговых площадей одна из самых высоких в мире. Как объясняет своим студентам профессор С. Гуриев эти достижения чудо-рынка?

По данным журнала "Euromoney", удельный вес убыточных предприятий в нашей стране увеличился по сравнению с 1992 годом с 15,3 процента до 25,5 процента, доля теневой экономики по сравнению с 1990 годом возросла с 11 процентов до 30–40 процентов, а по рейтингу инвестиционной привлекательности Россия в 2008 году заняла 53-е место в мире. Дорыночный СССР, заметим, в 1988 году был в этой сфере на 17-м месте.

И все описанное, а описано далеко не все, достигнуто в условиях, когда больше девяноста процентов собственности страны перешло из государственных в частные руки. Как нам, освобождая наши мозги от мифов, не устают повторять – более заботливые, бережливые, умелые.

И тут где-то пару лет назад все тот же А. Чубайс выдает, можно сказать, заветное: по сравнению с главной целью реформ – освобождением от коммунизма – экономика занимала "двадцатое место".

Но и это бойкое откровение туземного борца с коммунизмом следует рассматривать с учетом сказанного более значимой фигурой, М. Тэтчер, в докладе, сделанном в ноябре 1991 года на заседании Американского нефтяного института АПИ в Хьюстоне (Техас). Цитирую: "Советский Союз – это страна, представлявшая серьезную угрозу для западного мира. Я говорю не о военной угрозе. Ее, в сущности, не было... Я имею в виду угрозу экономическую. Благодаря плановой экономике и сочетанию моральных и материальных стимулов Советскому Союзу удалось достигнуть высоких экономических показателей. Процент прироста валового национального продукта у него был примерно в два раза выше, чем в наших странах. Если при этом учесть природные ресурсы СССР, то при рациональном ведении хозяйства у Советского Союза были вполне реальные возможности вытеснить нас с мировых рынков. Поэтому мы всегда предпринимали действия, направленные на ослабление экономики Советского Союза и создание у него внутренних трудностей". Вот и все. Приехали. Мифам конец.

Стоит лишь добавить, что за двадцать лет упомянутого "освобождения" страна по суммарному показателю "Индекс развития человеческого потенциала", тщательно фиксируемому ООН, опустилась с двадцать шестого, "советского", места в мире (США занимали девятнадцатое), на семьдесят третье. И по оценке такого известного друга России, как З. Бжезинский, стала страной "геополитически нейтрализованной и исторически презираемой".

С учетом этого преобразования отечественной экономики, описываемые С. Гуриевым в его книге, смотрятся и впрямь свободными от мифов. Возможно, потому она и вызвала хвалебные отзывы таких известных деятелей либеральной "диаспоры", как Е. Ясин, П. Авен, А. Дворкович, сделавшие на смеле общественного строя каждый по-своему успешный бизнес.

Как распространившуюся привычку жевать жвачку, как восторженно-истеричный вопль "вау!", как "Макдональдсы" и лицензионные talk-show, так и экономическую культуру мы постарались воссоздать, "как у них". А выходит, что "под них".